

Александр Семёнович Полонский

ПОХОД ГЕОДЕЗИСТА МИХАИЛА ГВОЗДЕВА В БЕРИНГОВ ПРОЛИВ, 1732 ГОДА

Хотя геодезисту Гвоздеву и приписывают честь открытия островов, получивших его имя, но справедливее было бы назвать их островами Дежнёва, который доставил первое о них письменное известие.

В первые времена завладения Сибирью, когда стало известно, что она граничит с Ледовитым океаном на Севере и с Восточным на востоке, казаки, посещая северо-восточный угол Сибири, знали что Азия и Америка разделены проливом, что в этом проливе есть острова, и что жители Азии имеют сношение с американцами

По свидетельству Миллера, ещё в царствование Фёдора Иоанновича, *нарочная экспедиция учинила опыт хода из устья Лены, вдоль Ледовитого моря, к Северо-востоку и одно из судов её, обошед Чукотский Нос, прибыло в реку Камчатку.* Но исследования, в смутные времена в России, остались без продолжения, а память открытий предана была забвению; только в неясных рассказах Якутских казаков осталось предание о существовании отдалённого полуострова, а камчадалы знали о посещении их когда-то русскими.

С 1635 года Якутские казаки и промышленные, посланные для отыскания новых земель и народов, по выходе из устья Лены, шли вдоль северного берега на восток, и ставили на пути зимовья и остроги.

Казак Дежнёв, идучи по пути предшественников, для обозрения продолжения северного берега от Колымы к востоку, обошёл Чукотский Нос¹, и, в донесении своём 1648 г., первый ясно указал на два острова, в Анианском (Беринговом) проливе, против носа, населённые *Зубатыми Чукчами.*

¹ Автор под названием *Чукотского Носа* очевидно понимает тот мыс, который, следуя Куну, на всех картах называется *Восточным*. Чукоцкий нос, названный так Берингом, лежит южнее, в широте около 64°10'N и долготе 175°W. Название Анианского пролива, на некоторых старинных картах встречаемое, в новейшей географии не принято. — Прим. Ред.

Северо-восточный край Сибири, омываемый Ледовитым и Восточным океанами, сделался более известным со времени основания, в 1649 году, острога на реке Анадыре. Приказчики и промышленные свободно пускались из Колымского и Анадырского острогов, морем и сухим путём, на восток, для обложения ясаком жителей северо-восточного угла Чукотской земли; но, не ограничиваясь известными уже пределами, старались проникнуть за Анианский пролив, на заветную *Большую Землю*, известную, из рассказов чукчей, богатством зверей и леса, населённую людьми, которые носят дорогое соболье и бобровое платье¹.

С 1700 года сведения об этих открытиях становятся определённые, но у предприимчивых казаков не доставало ни средств, ни познаний для исполнения такого важного дела, и как никто из них не мог посетить материка Америки, то в показаниях их является большое разногласие, которое в тогдашнее время не могло быть соглашено. Чтобы достигнуть Большой Земли, перепутём должны были служить замеченные с Чукотского Носа, в пролив, острова. Некоторые говорили только об одном большом острове, с которого до Америки двое суток пути: вероятно они разумели при этом остров св. Лаврентия.

По донесению казака Попова, 1711 года, против Чукотского Носа, значится остров, который Чукчи называют *Большой Землёй*², населённый *зубатыми*, которые ведут войну с *носовыми чукчами*. Попов видел здесь пленных с Большой Земли, с вставленными костями в нижней губе. Сообщение совершается летом на байдарках, а зимой на оленях. На Большой Земле есть всякого рода лес и звери. По сказкам 1718 года ясачных чукчей, с Чукотского Носа, ходу до большего безлесного острова — с утра до обеда³; отсюда за морем Большая Земля, на которую перегребают с острова в один день; на ней леса и реки великие, зверя много.

Со сказок казаков, бывших при замирении чукчей, о Чукотской земле, или Американском материке, было составлено в Якутске несколько

¹ Одному только Дежнёву, сколько известно, удалось обойти морем Чукотский Нос; другие, которым препятствовали льды, переходили с так называемого Колымского моря через Чукотскую землю к устью Анадыря, и, построив там новые суда, производили исследования, во время которых видели острова против Чукотского Носа и Большую Землю, или материк Америки; а некоторые узнали о них в Чукотской земле, посещая чукчей для сбора ясаков.

² Остров Большая Земля, есть, кажется, то место, Американского материка, от которого идёт мыс Принца Валлииского (м. Ныхта; на некоторых картах он показан островом).

³ *Имоглин* и *Игеллин*, острова Гвоздева, разделённые нешироким проливом, были принимаемы за один.

карт, на которых означались: Копаев остров (Шелагский мыс), за ним к востоку берег Большой Земли, а против Чукотского Носа Большой остров. При этом нужно заметить, что в прежние времена северо-восточный Чукотский мыс был называем Шелагским, а южный Анадырским¹, а потому остров Копаев есть тот же Восточный Чукотский мыс, а Чукотским Носом называли южный Чукотский мыс; лежащий же к югу от него большой остров — вероятно остров Св. Лаврентия, от которого до Большой Земли езды двое суток.

При соображении о числе и положении островов в Беринговом пролив, по начальным показаниям, необходимо иметь в виду, что пространство земли около мыса Принца-Валлийского также признавалось за остров.

Сведения, получаемые от казаков об упоминаемых островах и Большой Земле, были разногласны, но сходились в одном, что за проливом, на восток, находится Большая Земля, т. е. Америка.

В казаках и промышленных хотя не ослабело ещё прежнее усердие к исследованию Американского материка, но никто, однако же, не решался, без надёжных пособий, идти в неизведанную землю, тем более, что прежде достижения её, нужно было касаться на пути островов, населённых неприязненным народом. Люди предприимчивые оставались в бездействии, ожидая милостивого указа о необходимых пособиях людьми и судами, которых не доставало в отдалённом крае.

Наконец в 1716 г. поручено было, между прочим, полковнику Ельгину исследовать острова против Чукотского Носа и Большую Землю; но поручение это, за вызовом Ельгина к следствию, не могло быть исполнено.

Вслед за тем, мореход Нагибин, вызванный в 1716 году из Колымы в Анадырск, где он, с приказчиком Кузаковым, безуспешно искал острова в Ледовитом мор, просил, в 1720 году, дать ему 200 человек команды и суда для «проведывания и покорения земли, которая против Чукотского носа, а на той земле много неясашных и всякого зверя»².

При начавшемся следствии, 1721 года, над властями, управлявшими Сибирью, приказчики были вызваны из своих отдалённых острогов для

¹ На карте Якутского дворянина Львова показана между Восточным мысом, называемым также Шелагским, и Южным или Анадырским, губа, и в ней два острова; против Анадырского носа также два острова, населённые зубатыми. До первого из сих последних езды от берега полсутки, от него до второго двое суток; за ним Большая земля, населённая, и на ней лес и звери.

² Нагибин, хотя и не получил требуемых им пособий, но отправился с судном для проведывания, и в 1725 г. был убит чукчами.

допросов и все предприятия к исследованиям, начавшиеся при Сибирском Губернаторе Князе Гагарине, остановлены.

Воспользовавшись этим случаем, неграмотный якутский казачий голова Афанасий Шестаков в смелых выражениях выставил опасное состояние отдалённого Сибирского края, и вместе с тем, для продолжения дальнейших открытий и предотвращения потери Русских владений на северо-востоке Азии, от нападений инородцев на опустевшие остроги, просил, в 1723 году, поручить ему службу на Северном и Восточном морях.

Между прочими предложениями, Шестаков вызывался провести и землю против Чукотского Носа и привести её в подданство России.

Назначение Шестакова последовало не ранее 1727 года, в это время Беринг совершил уже своё путешествие в Берингов пролив и замеченные им острова (Гвоздева), назвал островами св. Диомида. Шестакову даны были из Адмиралтейств Коллегии, для морского хода и сочинения карт, в случае отыскания новых земель в Северном и Восточном морях, штурман Яков Генс, подштурман Иван Фёдоров, геодезист Гвоздев и десять человек матросов.

Шестаков, отрядив из Якутска в Анадырск, для усмирения чукчей, капитана Павлуцкого, прибыл 1729 г. в Охотск и к осени построил два бота: «Восточный Гавриил» и «Лев,» вдобавок к имевшимся здесь судам «Гавриил» и «Фортуна». Осенью отправлены для исследования: бот «Гавриил» к устью р. Уди, судно «Фортуна» на Курильские острова, а на двух новых ботах Шестаков пошёл вдоль северного берега Охотского моря до Пенжинской губы, чтобы оттуда пройти берегом в Анадырск.

Шестаков перед отправлением в море оставил ордер, чтобы штурман и подштурман, по прибытии из Якутска, ожидали в Охотске распоряжений головы из Анадырска, а геодезист пробрался бы зимой до того места, где будут зимовать суда Шестакова.

Гвоздев застал «Восточный Гавриил» на зимовке в Тауйском остроге, где получил новый ордер: «идти весною (1730) на этом боте, с мореходом Треской, в реку Большую, в Камчатку, оттуда, обогнув Курильский Нос (м. Лопатку), следовать на Большую Землю¹ против Анадырского устья, призывать людей в подданство».

¹ На картах Шестакова, представленных 1726 г. в С.-Петербург, показан против острова Копаева, лежащего севернее Чукотского Носа, берег Большой Земли, и против Носа большой остров.

Шестаков 14 марта 1730 г. был убит в сражении с чукчами, на р. Эгач, близ Акланского острога, и судно его воротилось в Охотск¹.

Капитан Павлуцкий, получив известие о смерти Шестакова, прислал в Охотск, с пути из Нижнеколымского острога, ордер, «чтобы Генс, со всеми материалами и людьми партии Шестакова, отправился из Охотска на судах и, обогнув Камчатскую-Лопатку, шёл к продолжению экспедиции, т. е. для исследования Большой Земли».

Вся партия отправилась осенью 1739 года из Охотска на двух судах, из которых «Восточный Гавриил», под управлением подштурмана Фёдорова, по приходе к Камчатскому берегу, потерпел крушение. Генс и с ним Гвоздев на боте Беринга «Гавриил» вошёл благополучно в реку Большую и, по прозимовке, отправился 20 июня 1731 г. с командой, бывшей на обоих судах, в назначенный путь; обогнув Камчатскую-Лопатку, он зашёл 9 июля в р. Камчатку взять там остальных людей, принадлежавших к партии, и запастись провизией, чтобы продолжать путь к устью р. Анадыря, где намерен был сдать лишних людей и пуститься к Большой Земле. Но возмущение камчадалов и взятие ими 20 июля Нижнекамчатского острога, заставило его послать людей своих для подкрепления малочисленного Камчатского гарнизона и приведения возмущившихся инородцев к повиновению; по этой уважительной причине Генс отложил поход до следующего года.

Когда получено было из Анадырска известие, что партия с бота «Гавриил» осталась зимовать в р. Камчатке и Генс болен, то Павлуцкий прислал 11 февраля 1732 г. ордер следующего содержания: «известно, что Генс ныне весьма слеп и ногами болен, и вручённого не может исправить, но ежели, поправился, то обще со всеми идти, а ежели нет, то поручить Геодезисту, и пр.»²

Генс оставался больным в Нижнекамчатске, и Гвоздев, приняв от него бот, отправился по назначению; на этот же бот помещён был и Фёдоров, не могший подниматься с постели, мореход Мошков и часть команды; остальная партия пошла в Анадырск сухим путём.

По возвращении в Камчатку, Гвоздев донёс 1733 г. декабря 23-го Охотскому Правлению, что выйдя на боте «Гавриил» из реки Камчатки

¹ «Лев», другой бот постройки Шестакова, сожжён 1729 г. коряками.

² Подштурман Фёдоров должен был отправиться на другом боте, который предполагали построить вместо разбитого; но как в этом не успел, а «Фортуна» оказалась неспособной для большего плавания, потому что была сшита прутьями, то Фёдоров поступил на «Гавриил» крайне больной, с огромной язвой на ноге, от которой по возвращении и умер в Нижнекамчатске 12 февраля 1755 г.

23 июля 1732 г., и пробыв в море до 22 августа, он, за скудостью кормов и течью бота, воротился в устье р. Камчатки 27 августа. О походе этом Гвоздев рапортовал капитану Павлуцкому и вместе с тем послал ему журнал, писанный им и Фёдоровым¹. Охотская Канцелярия не требовала от Гвоздева подробнейших сведений о походе, и никуда о том не доносила.

В 1741 году по доносу одного из спутников Гвоздева, ссыльного Скурихина, Охотская Канцелярия отправила к Гвоздеву запрос: по какому указу ходил он в поход; до каких мест доходил; какие острова и земли видел; какие на оных люди, реки, озёра, звери, рыбы; призывал ли людей в подданство и не встретил ли в том сопротивления, и проч. Гвоздев, 13-го апреля 1741 года, доставил подробнее первое донесение, которое хотя и не имеет особенного достоинства в гидрографическом отношении, но интересно как подлинный документ о походе к Большой Земле. Между тем Сибирский приказ в 1742 году поручил Охотскому командиру Девиеру доставить сведения об островах и Америке, снесясь с офицерами Камчатской экспедиции; если же они о них не знают, то снарядить суда от Охотского порта для изыскания и описания островов и Большой Земли; в 1743 г. приказ просил о доставлении ему карты упомянутых земель.

Но как лейтенант Ваксель, остававшийся (1743) в Охотске, не мог дать никаких сведений, ни об островах, ни об Америке, лежащих против Чукотского Носа, то Девиер и ограничился донесением о походе Гвоздева, подтверждённым им в присутствии лейтенанта Вакселя; однако же Гвоздев отказался составить по своему журналу требуемую карту.

Гвоздев в рапорте 13 апреля 1741 года пишет: «по ордеру капитана Павлуцкого, из Анадырского острога, велено мне, обще со штурманом и подштурманом, идти на боте Гавриил, и кругом Курильского Носа к Анадырскому устью, и против Анадырского Носа, *которая называется*

¹ В это время о положении Чукотского, Восточного, или Большого Носа, также островов против него лежащих и Американского берега, получено в Анадырске новое подтверждение от казака Афанасия Мельникова, который ежегодно с 1725 г., собирая ясак с носовых и береговых чукчей, ознакомился в подробности с восточным берегом Чукотской земли. «Мельников доносил, что будучи на Восточном мысу, в марте 1730, он проведаль от приезжих туда зубатых, что «от Большого Чукотского Носа до их острова, на восток, день хода, оттуда до второго и от второго острова до Большой Земли также один день. На Большой Земле живут зубатые — оленные и пешие; есть великий лес и всякий зверь». Зубатые дали Мельникову ожерелье из 14 белых камешков; но отказались везти на остров по неимению собак и недостатку в провизии.

Большая Земля, проведать; сколько островов, какие на них люди, и вновь приискывать и ясак брать, с коих сбора не бывало».

По сему ордеру Гвоздев с подштурманом Федоровым на боте «Гавриил» вышел 23 июля 1732 г. из Камчатки, и с ним матросов 4 человека, служилых 32, мореход Кондратий Мошков и новокрещенный толмач.

Июля 27 они обошли Камчатский Нос, а к Анадырскому Носу пришли 3 августа¹, откуда, для отыскания островов, и особенно острова, который видел Мошков, бывши с капитаном Берингом (1728). По указанию Мошкова пошли отыскивать последний и пришли к Чукотскому носу, у которого 5 августа стали на якорь, версты за три; для осмотра берега и за водою поехал Гвоздев с Мошковым и шестью человеками; войдя в небольшую речку, они нашли место пустынным, на котором паслись только олени, в числе 150 или более штук: из них двух застрелили. Взяв убитых оленей и воды, отправились обратно, и на пути увидели на берегу двух дикарей, которые, услыша наш призыв, скрылись за камень, а мы продолжали путь к боту.

6-го августа, приезжали чукчи в двух байдарах, из других падей, находившихся в версте от бота, который они осматривали с полчаса и возвратились на берег против бота.

Августа 7, Гвоздев ездил с 8-ю человеками, в то место, откуда выезжали в байдарах чукчи; и нашёл там две пустые юрты, сделанные из китовых костей. По осмотре, отправились в обратный путь, и отъехав версты две, увидели на берегу двух человек, бежавших на камень; но Гвоздев не остановился.

Августа 8, после трёхдневного штиля, подул попутный ветер. В 4-м часу, утром, снялись с якоря и пошли по показанию Мошкова.

Августа 9, подштурман Фёдоров подал Гвоздеву письменное мнение о том, что они ещё не дошли до показанной по ордеру Большой Земли и островов, ибо находятся только по южную сторону Чукотского носа, и ежели мореход Мошков не отыщет того острова, который он видел по южную сторону этого носа с Анадырской стороны, то чтобы Гвоздев приложил и своё мнение к письму его, Фёдорова. По общему согласию с мнением Петрова, пошли на прежнее место, где, став на якорь, отправили шлюпку с матросом Петровым на берег за водою.

¹ По показанию Скурихина: «Вышед с Камчатки, пошли влево, в виду берега, шли недели две до устья Анадыра. А между устьями Камчатки и Анадыра видели в правой стороне два острова, величиною версты по три, а от судна в 1½ и 2-х верстах; людей не видали и кроме сланца безлесные. На островах никто не был с бота».

11 августа, в час по полуночи, снялись с якоря и пошли вперёд, вдоль Чукотского Носа.

13 августа, за штилем, в 3 часа утра стали опять на якорь, и, заметив юрты, Гвоздев поехал на берег, от которого в то же время отвалили три байдары и пошли вдоль берега; юрты на берегу были деревянные, числом шесть; видя, что одна байдара стала возвращаться, Гвоздев, имея при себе мало людей, отправился к боту, где взяв 20 человек, снова прибыл на берег. Шестеро чукчей отошли за юрты, а другие ушли на байдарках. Гвоздев послал служилого Куклина с толмачом для призыва в подданство; но им отвечали: «мы ясака не знаем, не платим и не промышляем». В другую посылку отвечали то же, а в третий раз сказали, чтобы пришёл к ним их приказчик, и они заплатят ясак парками. Для чего Гвоздев послал служилого Пермякова с толмачом, который воротясь объявил, что чукчи просили у него ножик, за что давали кунью парку; а один из них сказал ему: «какой ясак с нас просите? я сам такой же начальник, как и тот который послал вас: какой вам ясак? Мы имели бой с капитаном (Павлуцким) и жаль, что вы не вовремя нас застали!» и замахивался на толмача ножом.

За такие выражения Гвоздев приказал сжечь, для страха, две нерпичьи летние юрты, и взяв из прочих китовый жир для корма служилым, воротился на бот.

15 августа, пополудни в 11 часу, снялись с якоря и пошли в свой путь; 17-го, в 7 часу пополудни, усмотрели остров, к которому, за противным ветром, стали лавировать. В 3 часу по полуночи, заштилев, увидели на Чукотском Носу юрты. Гвоздев, с 10 чел., тотчас к ним отправился; но, по приближении к берегу, чукчи ушли от юрт на утёс; Гвоздев подъехал к этому утёсу, на котором собравшиеся чукчи пели, и один из них прыгал и скакал. Переговоров, за далью, произвести было нельзя, а потому и воротились к боту, преследуемые двумя байдарками, из которых в каждой было по 20 человек. Не доехав до бота, они возвратились; на вопрос толмача: какой народ живёт на острове — они отвечали, что чукчи зубатые, а земля, на которой стоят их юрты, Чукотский Нос.

В это время сделался попутный ветер; бот снялся с якоря и пошёл к острову; через некоторое время пришли к Н-му его концу, и Гвоздев, с 10 человеками, отправился на шлюпке к берегу; чукчи стали стрелять по ней из луков, на что им отвечали тремя выстрелами из ружей. На расспросы отвечали, что они чукчи, а рódники их, отправившись с олен-

ными чукчами биться против капитана, все побиты. На вопрос о Большой Земле ничего сказать не могли, но что народ там также чукчи, называемые Большими Чукчами. После этого они отошли от юрт, а Гвоздев вышел на берег, с которого видел Большую Землю. Юрту сожгли, а кожаную байдару да ветку-кухту, взяли с собою; воротясь на бот, пошли к южной стороне острова, где, увидев юрты, стали на якорь.

Гвоздев и матрос Петров, отправились в байдаре и шлюпке, с 20 человеками, на берег, где стояли до 20 юрт. Чукчи кричали, чтобы не выходили на берег; но толмач осип и не мог кричать; а потому байдара с толмачом пристала к берегу. К ней сошёл от юрт чукча, который на вопрос о Большой Земле ничего не сказал; на призыв же в подданство отвечал, что они ясаков не знают и не плачивали. Видя многолюдство, байдара и шлюпка воротились. Остров шириною верста, а длиною две с половиною версты.

20 августа, в 7 часу утра, снялись с якоря, но, за штилем стали опять, против второго острова, на якорь; пролив, между островами версты полторы, и второй остров меньше первого. На берег послан был Пермьков, с 10 чел., но, за стрельбою из луков, не выходил.

21 августа, в 3 часа пополудни, пошли к Большой земле, у коей стали в 4 верстах. Подштурман, во время своей вахты, без общего согласия снялся с якоря и пошёл вдоль земли к южному концу, с западной стороны. На берегу видели жилые юрты, но за противным ветром нельзя было подойти к ним близко. Пошли вдоль земли по южной стороне, и как становилось мелко, 7 и 6 саж., то воротились назад и стали лавировать, ближе к Большой Земле.

Ветер NW, дувший от земли, усилился; подштурман объявил, что курс должно держать на ZW; от Большой Земли бот отнесло к четвёртому острову, у которого, однако же, за великою погодою, нельзя было стать на якорь, и бот пронесло ещё далее. Тут команда просила воротиться, потому что время было уже позднее, и мало провизии; но без согласия подштурмана Гвоздев на это не решался. С четвёртого острова пригрёб к боту, в однолючной байдарке, чукча в камлее из нерпичьих кишок, и объявил, что Большая Земля действительно так называется, а живут там чукчи; есть лес и реки, дикие олени, куницы, лисицы и бобры речные.

Остров четвёртый небольшой, длиной и шириной $\frac{1}{4}$ версты. У Чукотского Носа, на первом и втором островах, леса нет никакого; а есть ли

реки и проч. не известно; от берега внутрь земли далеко не ходили; а на Большую Землю вовсе не выходили.

Августа 22, по прошению служилых, объявивших, что у них осталось очень мало кормов*, и в судне оказалась большая течь, с общего согласия, пошли в обратный путь, и войдя в реку, 28 сентября, рапортовали о походе капитану Павлуцкому, и кратко Охотской канцелярии...

По показанию Скурихина, Гвоздев с Анадырского устья пошёл на восток, и через пять дней, идучи всё попутным ветром, увидел, недалеко в левой стороне, землю. Подойдя к ней на 1½ версты, рассмотрели что она не остров, а земля была великая, берег жёлтого цвета, юрт и народу на берегу много; лес листвен, ель и тополь. Отсюда шли по-

' Служилые ходили в поход на своём коште.

дле земли, в левую сторону, дней пять, но до конца её не дошли и обозреть не могли. Поворотили назад потому, что глубина, по лоту, постепенно уменьшалась. После того, за штилем, стали на якорь. Тут приплыл к боту нагой человек, на пузырях, и спрашивал, откуда идёт судно и куда? Ему отвечали, что заблудясь на море, ищут Камчатки, а на вопрос, много ли на боте людей, отвечали, что многие перемерли с голода, а между тем люди были спрятаны. Иноземец указал путь в Камчатку и звал к себе, обещая дать корму. Потом привёз в отдарок за иголки, две куньи парки, 13 лисиц и оставил всё это на воде, завёрнутым в пузыре. После этого, при попутном ветре, пошли вдоль оной земли в Камчатку, и у одного из двух встреченных ими островов, бросили якорь. Гвоздев съехал на шлюпке на берег, и, воротившись оттуда через 4 часа, привёз до 20 битых оленей и пыжиков (оленьих выпоротков), которых довольно было для каждого из 40 человек; моржевого зуба до 100 пуд., который продали, по 2 р. за пуд, монастырскому старцу в Камчатке. Оленей убили на берегу, а гарно́ (оленьи кожи) взяли в трёх юртах, из коих люди убежали; для чего Гвоздев ездил три раза.

Когда Гвоздев отвалил от берега, то явилось более 100 человек диких, которые стреляли вслед ему из луков; но, при виде огня из ружей, разбежались. По отбытии с острова, сломалась на боте мачта, так что с великим трудом пришли в Камчатку...

Примечание. Гвоздев поступил во Вторую Камчатскую экспедицию и состоял по спискам в числе чинов её, оставшихся в Сибири, и передан-

ных 1753 г. для продолжения означенной экспедиции в полное распоряжение Сибирскому губернатору адмиралу Мятлеву. В 1754 г. Гвоздев поступил учителем в Морской Шляхетный Кадетский корпус.

Статья опубликована в «Морском сборнике», 1850 г., Том 4, №11 под псевдонимом «А. П.»

*OCR Андрей Дуглас, 2025 г.
Ver. 1.0*

Об авторе:

Александр Семёнович Полонский в 1831 году закончил медико-хирургическую академию и служил лекарем на Балтийском флоте, а с 1839 года — в Петропавловске-Камчатском. Служил также в Охотске и Якутске, состоял членом Совета Главного управления Восточной Сибири в Иркутске.